

Ч Е Л О К О Т О Р ШЕРЛОКОМ

ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «НАУКИ И ЖИЗНИ» СОКРАЩЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ КНИГИ МАЙКЛА И МОЛЛИ ХАРДВИК, ВЫШЕДШЕЙ

С первого взгляда он кажется полной противоположностью своему герою. Огромный, широкоплечий, с круглым, румяным лицом и добрыми усами, настоящий старосветский сквайр, он словно сошел со страниц романов Филдинга или Смоллетта и уж никак не похож на худого, нервного Шерлока Холмса с его орлиным носом и сверлящим взглядом.

Да и вся жизнь энергичного здоровяка-доктора, объехавшего полмира, была сначала совсем иной, чем у затворника с Бэкер-стрит. Холмс спортом не занимался, фехтование и бокс были для него скорее подспорьем в небезопасной профессии. Конан Дойль был спортсменом страстным и многосторонним. С детства отлично играл в крикет, входил в сборную страны по футболу, в команде мотогонщиков отстаивал честь Англии в 1911 году; первоклассный боксер, он до преклонных лет был судьей на международных состязаниях. Зато музыка, живопись и скульптура, ценителем и знатоком которых был Холмс, прошли мимо Конан Дойля. Но у него была своя муза: он очень любил поэзию и литературу и сам стал создателем литературного героя, который вот уж 70 лет пленяет воображение молодежи не только могучим интеллектом, силой анализа и дедукции, но и бескорыстием и неутомимостью в борьбе со злом и преступлением.

Вот в этих-то чертах Шерлока Холмса и кроется, оказывается, глубокое родство с его создателем. Здесь исчезает различие и начинается сходство. Недаром учитель Конан Дойля, доктор Джозеф Белл, впервые познакомивший будущего писателя с методом дедукции, писал своему ученику через много лет:

«Вы и есть настоящий Шерлок Холмс!»

Бывший воспитанник школы иезуитов Артур Конан Дойль не оправдал надежд святых отцов: он отказался от духовной карьеры и от религии, проповедующей извеч-

Вверху слева — фотография Артура Конан Дойля; справа — Шерлок Холмс, рисунок художника Сиднея Пэйджета.

ную греховность и осуждение человека и уготованные ему вечные муки. Конан Дойль избрал медицину. Сначала служил судебным врачом, ходил в Арктику на китобойном судне, плывал на лайнере к берегам Африки. Затем занялся практикой в самой Англии. Однако дела молодого медика шли не блестяще. Как он ни начищал до блеска медную дощечку на дверях, пациенты не появлялись. Скоро пришлось жить на шиллинг в день и подумывать о сокращении бюджета до шести пенсов. Вот как описывает ту пору десятилетний братишка Артура — его друг, поверенный и мальчик на посылках:

«Сегодня после завтрака Артур пошел вниз писать рассказ о человеке с тремя глазами, а я наверху изобретал новую водяную машину, чтобы за две минуты запускать ракету на Луну... А потом была уже половина первого, и мне надо было идти чистить картошку — последние шесть штук, что у нас остались на целом свете...»

Возможно, брат Артур увлекался сочинительством, чтобы заполнить часы вынужденного безделья, но почему-то, когда дела пошли на лад, он не только не отказался от своего увлечения, а, наоборот, в один прекрасный день пожертвовал ради него медицинской профессией.

В поисках темы Конан Дойль вспомнил любимого писателя своей юности Эдгара По и решил избрать вымышленным героем сыщика. Но ни Дюпен Эдгара По, ни Лекко, герой Габорио, его уже не удовлетворяли.

В одном из своих рассказов он скажет о них словами Холмса: «По-моему, Дюпен не много стоит; без сомнения, у него есть аналитический талант, но он вовсе не такой гений, каким воображал его По. Что до Лекко, то он просто жалкий мазила... Единственное, что в нем есть, — это энергия...»

Конан Дойль хотел найти детектива иного, высшего типа — человека, обладающего необычайной наблюдательностью, умеющего видеть, анализировать и при помощи анализа и дедукции сделать единственно правильный вывод. Такого человека он встретил в студенческие годы в Эдинбургском уни-

В Е К, Ы Й Б Ы Л ХОЛМСОМ

НЕДАВНО В ЛОНДОНЕ. ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ РЕФЕРАТ СДЕЛАН КАНДИДАТОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК С. МАЙЗЕЛЬС.

верситете. Джозеф Белл был хорошим хирургом, но главной его силой была диагностика, причем он при первом же осмотре определял не только болезнь, но и характер и профессию пациента. Достаточно взглянуть на Белла, чтобы увидеть, с кого списан портрет Холмса: худой, гибкий, черноволосый, с длинным носом, словно прорезающим узкое лицо, с острыми серыми глазами и энергичной, порывистой походкой.

Джозеф Белл заметил Конан Дойля, выделил его из массы студентов и сделал чем-то вроде секретаря во время демонстрации больных. «Я должен был собрать пациентов, сделать заметки об их заболеваниях и выводить их одного за другим в большую комнату, где сидел Белл, окруженный персоналом и студентами,— писал Конан Дойль.— Так я получил прекрасную возможность изучить его методы и заметил, что он, бросив острый взгляд на пациента, часто узнает больше за несколько секунд, чем я из всех своих вопросов. Иногда он ошибался, но большей частью его прозорливость была поразительной. Его догадки казались чудом для сборища Ватсонов, окружавших его, но как только он давал объяснение, оказывалось, что все очень просто. Не удивительно, что, повстречавшись с таким человеком, я позже, пытаясь создать образ сыщика-ученого, использовал и широко разработал его метод».

Если этот метод применим для медика в действительной жизни, почему же он не годится для вымышленного героя-детектива? Конан Дойль и внешне сделал своего героя похожим на любимого учителя. Так появился на свет Шерлок Холмс — «детектив-консультант». Все началось с короткого наброска — поиски имени да отрывочные описания: «Ормонд Сэкер... из Афганистана. Живет на Бэкер-стрит, 221... Шеринфорд Холмс... Законы логического доказательства. Замкнутый молодой человек с мечтательными глазами, собиратель редких скрипок. Скрипки Амати, химическая лаборатория...» «Мой заработок — 400 фунтов в год, я детектив-консультант...»

Но чтобы создать образ сыщика, необходимы познания в технике полицейского розыска. В то время на эту тему не было никакой литературы. Конан Дойль читал, думал, докапывался и вдруг с удивлением обнаружил, что он не только автор детективных рассказов, но и сам природный детектив. В книге «Воспоминания и приключения» он утверждает, что в нем, как и в каждом, скрывается потенциал разных людей и возможностей. «Среди этих разнообразных вариантов моего внутреннего «я» есть и умный, зоркий детектив, однако, чтобы найти его в действительной жизни, я должен отбросить все другие мысли и заботы: особое настроение охватывает меня, лишь когда рядом в комнате никого нет. Тогда я добиваюсь результатов, и несколько раз мне удалось методом Холмса решить проблемы, которые ставили в тупик полицию». Сын Конан Дойля Адриан вспоминает эти внезапные периоды молчания отца, когда под влиянием какого-нибудь письма или визита встревоженного незнакомца он дня на два или на три исчезал в своем кабинете. Это была не аффектация, но абсолютная сосредоточенность ума; он взвешивал и сопоставлял, размышлял, анализировал и искал ключ к какой-нибудь тайне, которую принесли ему, как в последнюю, решающую судебную инстанцию. Адриан вспоминает также о необыкновенной наблюдательности отца.

Отец с сыном часто совершали прогулки по лугам и болотам, где им иногда попадались каменные наконечники для стрел. Однажды, разыскивая эти реликвии каменного века, мальчик заметил след велосипедных шин, ведущий от фермы соседа. «Осмонд проехал на велосипеде,— сказал я.— Уж не к нам ли?» «Надо быть более наблюдательным, дружок,— с мягким укором ответил отец.— У Осмонда велосипед марки «Палмер», а это следы шин «Денлопа».

● Л Ю Б И Т Е Л Я М
П Р И К Л Ю Ч Е Н Ч Е С К О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы

Конан Дойль имел все данные, чтобы стать талантливым детективом. «Его мозг был огромным складом знаний и фактов, заключенных в ячейки, которые не поддавались губительному воздействию времени», — говорил Адриан Дойль. Он обладал энциклопедическими познаниями, свойственными врачу, и владел методом дедукции; умел распознавать болезнь по симптомам; у него был зоркий взгляд, схватывающий мельчайшие детали, способность увязать причину со следствием и восстанавливать прошлое по настоящему — все это качества, необходимые для детектива.

Шерлок Холмс был первым и любимым детищем писателя. Сам Конан Дойль настоящей литературой считал свои исторические романы, писал их с увлечением, тщательно восстанавливая все детали быта, костюма и обстановки старины. Романы имели успех, к некоторым сохранился интерес и до сего времени; но как ни уходил их автор в глубь веков, со дна его чернильницы неизменно вставал дух худого, всепроницающего детектива и оттеснял тени кавалеров и наполеоновских солдат. И чем больше он писал о Холмсе, тем больше развивались его собственные способности к дедукции и тем сильнее становилось его косвенное и прямое влияние на область криминалистики и розыска. Методы Холмса предвосхитили первый большой труд по криминалистике: книга Г. Гросса «Исследование преступления» появилась лишь после выхода первых двух романов о Холмсе. Один из крупных деятелей Скотланд-Ярда писал: «Именно Конан Дойль указал путь раскрытия преступлений научным методом».

Через Холмса ли, или собственными делами, но Конан Дойль оказал большое влияние на криминалистику Европы и Азии. Не случайно его именем названа криминалистическая лаборатория в Лионе; египетская, американская и особенно французская полиция тщательно изучала его метод, систему поисков тончайших улик вплоть до определения сорта табака (вспомним знаменитый труд Ш. Холмса на эту тему!) и исследования пыли в швах платья преступника. По словам Эдмона Локара, известного криминалиста, «Конан Дойль был совершенно поразительным ученым-исследователем. ...И если в полицейской лаборатории в Лионе важнейшее значение придается проблеме пыли, то это потому, что мы используем идеи, выдвинутые Конан Дойлем и Гроссом».

Не следует забывать, что в активе Конан Дойля были не только вымышленные приключения Холмса, но и его собственные поразительные случаи раскрытия преступлений; самые знаменитые из них — дела Эдалджи и Слэйтера.

ДЕЛО БЛИЗОРУКОГО ИНДУСА

Ранним летним утром 1903 года молодой шахтер из Грейт Уэрли, близ Бирмингама, идя на работу, застыл перед дикой картиной. На поле, в луже крови, издыхал пони; на брюхе у него виднелась большая резаная рана.

Полиция, не раздумывая долго, арестовала виновника. Это был Джордж Эдалджи —

сын местного vicar, молодой стряпчий из Бирмингама. При обыске у него в качестве улики забрали футляр с бритвами, пару сапог, брюки, испачканные свежей грязью, и старую домашнюю куртку, всю в пятнах. На куртке были обнаружены 34 конских волоса, а два пятнышка на обшлаге оказались следами крови животного. Следы на месте преступления, по мнению полиции, были, безусловно, оставлены сапогами Джорджа Эдалджи. Следы измеряли палочками и соломинками, и эта улика также фигурировала в деле, хотя, когда их мерили, земля кругом была уже затоптана башмаками полиции и любопытных.

Стряпчего арестовали и допросили, где он был накануне вечером; он сообщил, что после работы до половины девятого пешком навещал знакомых в районе убийства, затем поужинал и лег спать.

Когда обвиняемого везли в суд, толпа напала на полицейскую карету и чуть не растерзала его.

Оказалось, что пастор и его семья вообще не пользовались популярностью. Отец, Шапурджи Эдалджи, 30 лет был пастором в шахтерском поселке, но для многих так и остался «цветным». Он был индусом, женатым на англичанке. Недолюбливали и сына. Джордж был чересчур талантлив и замкнут. Не пил, не курил и избегал веселых сборищ. Кроме того, вот уже несколько лет вокруг семьи пастора создавалась атмосфера скандала: то кто-то получал оскорбительные письма, подписанные именем пастора, то у его двери оказался украденный ключ от школы, и, наконец, в округе начали повторяться убийства животных, и в полицию стали поступать мерзкие анонимные письма, автор которых угрожал, что вслед за пони наступит черед маленьких девочек. Некоторые письма прямо указывали на Джорджа Эдалджи как на убийцу. Поэтому за домом пастора была установлена слежка — полиция не спускала с него глаз.

Джорджа Эдалджи судили и приговорили к семи годам каторжных работ. Имя его было вычеркнуто из списков английских юристов. Тщетно друзья и доброжелатели старались добиться пересмотра дела. Напрасно выступала газета; не помогла и петиция, подписанная 10 тысячами людей, в том числе сотнями юристов. Но вдруг через три года Эдалджи освободили — освободили без всяких объяснений и без восстановления в правах. Он так и остался непомилованным преступником, находящимся под надзором полиции.

Кассационного суда тогда не существовало, однако многим было уже известно, что есть неофициальный защитник невинно осужденных — писатель Артур Конан Дойль. И точно так же, как десятки обиженных поднимались по ступеням дома 221 на Бэкер-стрит, чтобы просить помощи у Шерлока Холмса, так и Джордж Эдалджи написал Конан Дойлю, вложив в письмо газетный отчет о своем деле.

Шел декабрь 1906 года, тяжкого года для писателя. Он похоронил жену и вот уже несколько месяцев не мог заставить себя работать. Корреспонденцию Конан Дойля вел

майор Вуд, его Ватсон; просматривая письма, он откладывал лишь те, которые могли иметь особый интерес для писателя. Он отложил и письмо Эдалджи. Прочтя его, Конан Дойль почувствовал прилив былой энергии. «Холмс вынул трубку изо рта и выпрямился в кресле, встрепенувшись, точно старая борзая при звуках охотничьего рога». Так было и тут. Целых восемь месяцев Конан Дойль занимался только делом Эдалджи.

Он начал тщательно и скрупулезно собирать материал. Писал всем участникам процесса, добываясь разъяснения неточностей, бросившихся ему в глаза. И сразу же многое узнал. Узнал, что бритвы, найденные у Джорджа, были совершенно чисты, а кровавые пятна на обшлагах могли быть от недожаренного бифштекса; узнал, что 34 конских волоска появились на куртке после того, как полицейский завернул в одежду обвиняемого шкуру пони.

Конан Дойль заметил также, что за несколько часов до убийства пони прошел дождь, и Джордж, навещая соседей, легко мог испачкать сапоги и брюки свежей черной грязью. Следы же желтой глины, окружавшей труп пони, сохранились лишь на одном сапоге, том самом, который полицейский прикладывал к следам на месте преступления. Неубедительным оказалось и приписываемое Эдалджи авторство ряда анонимных писем.

Через год, к январю 1907 года, Конан Дойль был уже твердо убежден, что произошла тягчайшая судебная ошибка. К этому времени он прочитал и изучил все материалы процесса и опросил всех его участников. Только изучив и взвесив все факты, он позволил себе встретиться с человеком, стоявшим в центре событий. Позже он писал: «Эдалджи пришел ко мне в отель, но я был занят, и ему пришлось подождать. Я узнал его по смуглому лицу и издали наблюдал, как он читает газету. Он держал ее близко к глазам и как-то сбоку — видно, он страдал не только сильной близорукостью, но еще и астигматизмом. Самая мысль о том, что такой человек мог бегать ночью по полям и убивать скот, прячась от следившей за ним полиции, нелепа для любого, кто может себе представить, каким выглядит мир для человека с близорукостью в 8 диоптрий».

11 января 1907 года в газете «Дейли телеграф» появилась первая часть статьи Конан Дойля о том, как он расследовал дело Эдалджи. Пункт за пунктом Конан Дойль опровергал доводы обвинения и доказывал, что дело Эдалджи — эквивалент дела Дрейфуса, только вместо антисемитизма речь здесь шла о расовой дискриминации. Он пригвоздил к позорному столбу полицию, и прежде всего начальника полиции Стаффордшира, за расизм, обман и бездарность. Он гневно обрушился на действия английского министерства внутренних дел, которое, убедившись, что улики явно недостаточно, освободило узника, но, оберегая честь мундира, сделало это втихомолку и не восстановило его доброе имя.

Статьи Конан Дойля вызвали сенсацию во

Майор Вуд, прототип доктора Ватсона.

всей стране, и под нажимом общественного мнения министерство вынуждено было назначить комиссию для пересмотра дела.

Но Конан Дойль на этом не успокоился. Он продолжал расследование в самом Грейт Уэрли, надеясь найти настоящего преступника. И вскоре понял, что он на верном пути, так как сам начал получать анонимные письма с угрозами. Но Конан Дойля трудно было запугать. Он понимал, что эти письма в конце концов наведут его на след. И ждал. Наконец пришло письмо, где с насмешкой упоминалось имя прежнего директора Уолстолской школы, той самой школы, украденный ключ от которой был подброшен к дверям семейства Эдалджи. Оказалось, что у директора школы тоже нашлось старое анонимное письмо; оно-то и стало для Конан Дойля последним звеном в цепи улик. Он навел справку, кто из учеников в начале 1890 года ненавидел директора, был известен своей подлостью и по окончании школы пошел служить на флот. Такой нашелся. Конан Дойль условно назвал его Питер Хадсон. Этот парень еще в школе подделывал письма и любил шутки ради распарывать ножом обивку железнодорожных диванов. Его исключили из школы как неисправимого, и он поступил учеником к мяснику, а позже плавал на кораблях, перевозивших скот.

Вывод Конан Дойля о том, что преступник связан с морем, стоит на уровне лучших решений Шерлока Холмса. Писатель заметил, что в трех анонимных письмах упоминается о счастливой жизни моряков. Кроме того, одно из обвинений против Эдалджи основывалось на лживом обвинении в блэкпулской газете. Блэкпул — известный курорт под Ливерпулем, и именно из Ливерпуля отплыл Питер Хадсон в свое первое плавание. Конан Дойль заметил также, что на время отсутствия Хадсона письма и прочие подлости прекратились и возобновились лишь в 1903 году, когда, как выяснилось, Хадсон ушел из флота.

Наконец, Конан Дойлю удалось обнару-

жить большой ветеринарный ланцет, принадлежавший Хадсону; тот сам показывал его приятелю именно в 1903 году, когда происходили случаи убийства скота.

«А ведь все раны, нанесенные животным, обладали одной особенностью,— писал Конан Дойль.— Это были поверхностные разрезы; они рассекали шкуру и мышцы, но нигде не проникали во внутренние органы, что неизбежно при заостренном кончике ножа. А лезвие ланцета имеет круглый выступ, оно очень острое, но может делать лишь поверхностный надрез. И я утверждаю, что большой ланцет для разделки туши, добытый Питером Хадсоном на корабле, перевозящем скот,— единственное оружие, которым могли быть совершены все эти преступления».

Блестящий анализ, сделанный Конан Дойлем, точность его дедукции привели к полному пересмотру дела. Министерству пришлось признать, что совершена ошибка, и снять обвинение.

Однако судебские не сдавались: они заявили, что надо еще опровергнуть обвинение Эдалджи в авторстве анонимных писем, и без этого не соглашались восстановить его в звании юриста. И Конан Дойль снова принялся за дело. Он беззаветно старался восстановить истину, вел расследование на собственные средства и отдал делу Эдалджи почти год. Он писал статьи и письма, доказывал и добивался справедливости. Он сумел добыть подлинные письма Питера Хадсона и с помощью лучшего эксперта-графолога доказал, что все анонимные письма написаны не Джорджем Эдалджи, а Хадсоном и его братом.

Дело Эдалджи было прекращено, его реабилитировали и восстановили в звании члена корпорации английских юристов. И когда осенью 1907 года Конан Дойль женился второй раз, в числе немногих гостей на скромной свадьбе был и его подзащитный, Джордж Эдалджи.

Оскорбленные крючкотворы смогли отомстить благородному поборнику правосудия лишь тем, что наотрез отказались начать дело против Хадсона. Однако огромной заслугой Конан Дойля было и то, что после дела о близоруком индусе в Англии был наконец создан долгожданный кассационный суд.

ДЕЛО О БРИЛЛИАНТОВОМ ПОЛУМЕСЯЦЕ

Прошло немного времени, и Конан Дойль снова выступил в защиту невинно осужденного. С неохотой взялся Дойль за это дело. Обвиняемый Оскар Слэйтер, светский человек, игрок и авантюрист, не внушал Конан Дойлю никаких симпатий. И все-таки писатель не смог отказать, когда к нему обратились за помощью и он узнал, что все отступились от Слэйтера.

Конан Дойль согласился сначала только прочесть дело — и сразу же увидел, что никогда еще в Англии не было такой позорной судебной ошибки, как приговор, вынесенный на заседании Верховного суда в Эдинбурге в мае 1909 года.

Дело о бриллиантовом полумесяце, как назвал бы его доктор Ватсон, хроникер Холм-

са, началось в Глазго, в квартире богатой старой леди мисс Марион Гилкрист. Ее единственная служанка Хелен вышла вечером купить газету. Сосед, некий Адамс, услышал шум в квартире рядом и пошел взглянуть, в чем дело. Дверь была заперта, и на звонки никто не отвечал. В это время вернулась Хелен и вошла в квартиру, оставив Адамса за дверью. Пока он нерешительно переминался с ноги на ногу, из квартиры преспокойно вышел какой-то молодой человек, потом вдруг стрелой сбежал по лестнице на улицу и скрылся из виду.

Изнутри раздались вопли служанки. Адамс вошел и застал Хелен возле трупа ее хозяйки. Голова и лицо старой леди были превращены в кровавое месиво. Шкатулка с документами вскрыта, и содержимое выброшено на пол. Но многочисленные драгоценности остались целы. Пропала только одна бриллиантовая брошь в форме полумесяца.

Ни Адамс, ни служанка не смогли точно описать незнакомца, выскочившего из квартиры. Тогда полиция допросила 14-летнюю Мэри Борроумен, проходившую в это время мимо дома. Несмотря на то, что дело происходило вечером, в дождь, на плохо освещенной улице, девочка сумела почему-то очень детально описать бегущего человека; но ее рассказ настолько отличался от сообщения Адамса и Хелен, что полиция решила, что в убийстве участвовали двое.

В газете поместили описание пропавшей броши, и вскоре некий Маклин заявил, что брошь в виде полумесяца отдал ему в заклад Оскар Слэйтер. Полиция поспешила на квартиру Слэйтера и обнаружила, что он вместе со своей любовницей куда-то спешно уехал.

Тогда полиция твердо решила, что Оскар и есть убийца. Это убеждение не поколебало ни показание служанки, что брошь Слэйтера ничуть не похожа на принадлежавшую ее хозяйке, ни тот факт, что брошь Слэйтера была отдана в заклад еще до убийства. Не остановило полицию и то, что Слэйтер, оказывается, давно собирался уехать и не делал из этого секрета. Более того, внешность Слэйтера не имела ничего общего с полученными описаниями убийцы, и ясно было, что, будучи незнакомым со старой леди, он не мог попасть в ее квартиру без взлома. Кроме того, непонятно, почему, замышляя убийство, он зарегистрировался в гостинице под своим настоящим именем.

Справедливость мало волновала полицейских — они настаивали на виновности Слэйтера, исходя из того, что он вообще личность темная, иностранец, содержатель игорных домов и притонов.

Слэйтер был арестован в Америке и опознан свидетельницами Хелен и Мэри Борроумен.

У обвиняемого нашли маленький молоточек; его незамедлительно объявили орудием убийства, хотя на молоточке не обнаружили никаких следов крови, а прокурор не считал даже нужным узнать мнение врача, обследовавшего труп и твердо убежденно-

го, что орудием убийства была тяжелая черного дерева ножка от стула. Вслед за подтасованным следствием началась комедия суда, где слушали лишь свидетелей обвинения и судья принял за истину все упущения, натяжки и прямые ошибки прокурора. Слэйтеру даже не разрешили выступить в свою защиту, и, несмотря на то, что мнения присяжных разделились, он был признан виновным и приговорен к смерти. Правда, позже смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

«Это страшная история, и, когда я прочел ее и понял всю ее чудовищность, я решил сделать для этого человека все, что в моих силах», — писал Конан Дойль.

И он начал борьбу. Книжечка Конан Дойля «Дело Оскара Слэйтера» вышла из печати в августе 1912 года, когда Слэйтер уже более трех лет находился в тюрьме. И, как в деле Эдалджи, обвинение Слэйтера разбивалось вдребезги перед железной логикой и блестящим анализом этого «рыцаря проигранных процессов и воскресителя разбитых надежд», как назвал Конан Дойль знаменитый криминалист того времени Уильям Рафед.

Путь рассуждений Конан Дойля был настолько прост, что удивительно, как он никому не пришел в голову до него. Почему из массы драгоценностей взяли лишь бриллиантовый полумесяц? Зачем убийца тратил время и открывал шкатулку с бумагами? Очевидно, он искал не ценности, а какой-то документ. Он схватил брошь в последнюю минуту, чтобы ввести в заблуждение полицию. Что же это за документ? Завещание? Если так, то убийца — родственник жертвы. Это, кстати, объясняет и то, как он попал в запертую квартиру. Старая леди имела привычку разглядывать посетителей в глазок, прежде чем пустить их в дом. Очевидно, он был знаком и служанке: она не удивилась, когда сосед сообщил, что у них в квартире кто-то чужой. Как выяснилось позже, Хелен даже назвала имя человека, выбежавшего из квартиры. Но полицейские власти Глазго предпочли скрыть этот факт, и он остался бы неизвестным, если бы следователя, получившего сообщение служанки, не начала мучить совесть. Заявление, которое он сделал в полицию, принесло ему одни неприятности: его уволили из полиции, а через год пытались осудить по ложному обвинению.

Однако с Конан Дойлем «блюстители закона» из Глазго не имели возможности расправиться подобным образом. Зато они могли бесконечно отказывать в пересмотре дела. Почти двадцать лет понадобилось Дойлю, чтобы выиграть битву за Слэйтера!

Он почти оставил надежду, когда в 1925 году к нему явился один из тех странных визитеров, которые так часто приходили к Шерлоку Холмсу в дом на Бэкер-стрит. Это был заключенный, только что отбывший свой срок в тюрьме. Он принес письмо от Слэйтера, умолявшего Конан Дойля сделать еще одну попытку освободить его.

Конан Дойль снова попытался добиться пересмотра дела, и снова безуспешно. Только через два года имя Слэйтера опять за-

мелькало на страницах печати благодаря книге У. Парка и статье Эдгара Уоллеса. Репортеры разыскали Хелен и Мэри, уже немолодых, замужних женщин. Хелен призналась, что человек, выбежавший из квартиры, часто навещал ее хозяйку, а Мэри письменно заявила о том, что полиция принудила ее опознать Слэйтера и даже две недели с ней специально репетировала показания в суде.

Конан Дойль воспользовался благоприятным моментом и вместе с другими защитниками Слэйтера потребовал санкции на пересмотр дела. Слэйтера попытались было выпустить втихую, как Эдалджи, но Конан Дойль написал членам парламента и добился нового слушания дела. Слэйтер был реабилитирован после 19 лет заключения за преступление, которого не совершал.

«Мне посчастливилось ежедневно сидеть с сэром Артуром Конан Дойлем на заседании этого суда», — писал У. Рафед. — «Пожалуй, никто, кроме самого обвиняемого, не ждал результатов процесса с таким горячим нетерпением и интересом».

Слэйтер писал своему защитнику: «Сэр Конан Дойль, вас, человека, разбившего мои оковы, поборника истины и справедливости, я от всей души благодарю за доброту ко мне».

Настоящий убийца старой леди незадолго до смерти Конан Дойля открылся сыну писателя, Адриану.

ЗАЩИТНИК МНОГИХ

Как мы уже говорили, дела Эдалджи и Слэйтера — самые знаменитые из всех, которые вел Конан Дойль — Холмс. Но в его архиве хранится много других, менее известных. Помощи невинно осужденным, раскрытию нерешенных уголовных тайн он отдавал большую часть своего времени после 1900 года.

В числе их было, например, дело человека, который вынул все свои деньги из банка, посетил мюзик-холл, вернулся в отель, переоделся и... бесследно исчез. После его возвращения из мюзик-холла двери оставались заперты, и никто не видел, как он выходил. Полиция только разводила руками. Родственники обратились к Конан Дойлю. Он по почте прислал им разгадку тайны. Вынутые из банка деньги показывали, что исчезновение не было случайностью. Возможно, что беглец скрылся незаметно, смешавшись с толпой возвращавшихся из театра за час по полуночи. Вряд ли он решил прятаться в Лондоне на ночь глядя. Очевидно, он уехал поездом, причем куда-нибудь в большой город, где его появление утром не будет заметно. Один взгляд на расписание поездов показал Конан Дойлю, что шотландский экспресс отбывает из Лондона около полуночи. Он предложил родственникам поискать в Эдинбурге или Глазго. Там и был найден беглец.

Но раскрытие преступлений было далеко не единственным занятием, отвлекавшим Конан Дойля от письменного стола. «Любое проявление несправедливости мгновенно вызывало реакцию Конан Дойля, и, совершенно не думая о себе, ничего не страшась, он

направлял всю свою огромную энергию и все свои средства, чтобы исправить зло или добиться отмены несправедливого указа».

Сам отказавшись от католического вероисповедания, он ратовал за веротерпимость, в частности за право католиков свободно исповедовать свою веру. Эта борьба стоила ему места в парламенте. Конан Дойль с возмущением ополчился против закона, по которому развод был роскошью, доступной только богачам. А жену рабочего лишь смерть могла освободить от пьяного зверя-мужа. Он был одним из тех, кто добился парламентского указа о возможности развода в случае бегства супруга, жестокости, неизлечимого слабоумия или алкоголизма.

Он выступил в защиту ирландского патриота, обвиненного в государственной измене. Это выступление стоило Дойлю титула баронета. Но он не гнался за чинами и наградами. Ему глубоко чужды были расовые

и национальные предрассудки. Мы уже видели это на примере Эдалджи и Слэйтера. И если в молодости Конан Дойль участвовал в англо-бурской войне, не хотел верить сообщениям о рабском режиме, жестокости, садизме колониальных властей в Африке, то, однажды убедившись в жестокости колониального режима в Конго, он с негодованием заклеил позором белых угнетателей. В книжечке в полтора печатных листа он со своим обычным пылом и с обычной точностью и логической последовательностью нарисовал ужасающую картину преступлений колониалистов против конголезцев.

«Не только его книга, пусть превосходная, не только его красноречие и влияние помогли нам,— писал позже один из активных борцов против колониалистов. — Важно было, что это Конан Дойль. И что он с нами».

Перелистывая страницы рассказов о Шерлоке Холмсе и просматривая всю жизнь Конан Дойля, мы все больше убеждались в глубоком сходстве между автором и его героем. Оба вышли из среды сквайров и с детства обнаружили природную любовь и склонность к искусству. У каждого был свой Ватсон. Оба любили работать в одиночестве, закутавшись в старый халат; оба курили трубки. Оба проводили химические опыты, тщательно собирали вырезки интересных их дел (собственных и чужих) и держали в полном беспорядке бумаги и носильные вещи. У обоих в столе лежали лупа и пистолет.

Но дело, конечно, не в этих мелочах.

Самое главное, и А. Конан Дойль и Шерлок Холмс были блестящими криминалистами, методы которых — наблюдательность, логика и дедукция — стали основными в борьбе с преступностью во всем мире.

Сначала читатели не замечали этих связующих черт между любимым героем и его создателем. Да и не искали их. Шерлок Холмс жил своей собственной жизнью и даже казался реальным. Тем более, что Конан Дойль никогда не делал Шерлока Холмса рупором своих убеждений. Но он наделил вымышленного детектива очень важной чертой собственного характера — бескорыстным стремлением восстановить справедливость.

«В тысяче моих дел я не помню случая, чтобы я когда-нибудь употребил свои способности в защиту неправого дела», — сказал Шерлок Холмс.

Конан Дойль не произносил таких слов, но его дела говорили за него, ибо, как и Холмс, он никогда не боялся сильных и власть имущих и не щадил ни сил, ни средств, чтобы спасти невинных от беззакония и несправедливости.